

Плоды одиночества Натали Саррот

Несколько слов в оправдание рубрики

Придумка пришла года четыре назад как название книги. Книга собралась, но не вышла. По разным причинам. Так в рукописи и лежит. Год назад пошел на телевидение, к тогдашнему второму лицу на РТР Анатолию Лысенко. Тот врубилась мгновенно: делайте пилотные передачи. Начал делать: сняли Анель Судакевич, художницу Любовь Майкову, дочь атамана Семенова. Дошел черед до заграницы, решил открывать цикл "Великих старух" беседой с самой старейшей женщиной мира, французской Жанной Кальман. 121 годок. Но до Арля, где она живет, не долетел. На РТР сменили начальство, деньги кончились.

И вот третий заход: цикл публикаций "Великие старухи" предлагаю "Вечернему клубу". Даже название газеты по лексикону нынешней молодежи — "в кассу". Вечернее чтиво под зеленой лампой, вечер жизни, подведение итогов. Только все мои героини как бы не соглашались: нет, еще не вечер. Да, восемьдесят, да, девяносто, да, сто: болезни, недуги, забытые, одиночество, разочарования. Но позади — великая жизнь. Та, с которой уходят в бессмертия.

Почему старухи? Да так, по лингвистической прихоти. Великие старухи — не звучит. А "великие старухи" — режут слух, возмущают, шкочнут нервы. Наверное, не все старопреклонные женщины согласятся с такой "припечаткой". Ни одна не хочет откликаться на старуху даже в девяносто. Но на "великую старуху"?! — тут можно и уступить. Впрочем, иные и молодые согласились под знамена рубрики. "Хочу в твои великие старухи", — забила гвоздь современная Мария Розанова. "А почему нет? Старуха — в смысле матеря, прошедшая огни и воды", — вторила Джун Давиташвили. Ну да ладно, без перебору. И моложе 80 все-таки беспокоить не буду.

За своими великими старухами я охотился по всему свету: в России, в Америке, в Европе. Их судьи стали частью моей журналистской и личной судьбы. Я познавал их нелегкие характеры, их манеры, их стариковские "закидоны". Маризетта Шагинян в минуту гнева бросалась в меня чернильницей, Ольга Капابلанка-Кларк пила шампанское наравне со мной — три бутылки на двоих, столетняя парижанка Ольга Голицына вышла на интервью в... мини-юбке, чтобы продемонстрировать свои стройные ножки, Мария Чагина, поправляя вставную челюсть, с жаром вспоминала, как за ней ухлестывал Есенин. Со многими я подружился, многим помог,

многие помогли мне.

Но почему все-таки великие? Да по всему: по крутой натуре, по деяниям, по противоборству нелегкой судьбе, тиранству. Это — железные женщины и железные леги, женщины — мифы XX века. Боже, что они пережили, страшно оглянуться: гибель "Титаника", Сараево, Эйштейна, Гитлера, газы, пенициллин, Сталина, ад большевизма, Пруста, озонные дыры, убийство Кеннеди, коммунальные пытки, Чернобыль, Жиринского, второе рождение храма Христа Спасителя.

Видели, переживали, обжигались, но выжили. Конечно, они великие.

Помимо тех, кого выбрал я, у каждого, уверен, есть свои великие старухи. Матери, бабушки, соседки, акционерки МММ. Так что звоните, давайте "наводку", предлагайте. Великие старухи — это наше вчерашнее. И это наше вечное.

Автор.

Легкая дубленочка небрежно приоткрылась на кушетке в прихожей. Маленькая сухонькая женщина, открывшая мне дверь, уверенно протянула руку: "Раздевайтесь, а пальто бросайте прямо сюда". Короткая стрижка. Седые волосы. Твердая, немного мужская походка. Тихий голос, медленный говор.

Натали Саррот, Наталья Ильинична Черняк, известнейшая писательница, живой классик французской литературы, родившаяся в 1900 году в ...Иваново-Вознесенске. Творческая биография не легка. Долгое время ее книги решительно никого не интересовали.

Издатели отвергали их как "бред", как "чушь". И однажды Саррот спросила себя: "А почему я не могу писать, как пишут все?" И написала книгу теоретических эссе "Эра подозрения", на которую клюнули сначала критики, а потом читатели. С этого все и началось. Было это более сорока лет назад. Чуть позже Жан-Поль Сартр скажет о ее антироманах, что они читаются, как детектив.

Наша же "Краткая литературная энциклопедия" видела в опусах Саррот "насыщенный яркими метафорами поток сознания и банальный, сведенный к стертым штампам диалог".

Помню бурную реакцию читателей и критики, когда в "Новом мире" много лет назад был напечатан роман Саррот "Золотые плоды". Как такое можно было печатать? Как такое можно читать? Вспоминаю, что и сам прочитал роман с большим трудом. Это было не чтиво, не развлекательная прогулка по сюжету с почти обязательным угадыванием, чем все кончится и кто останется с кем. Читать Саррот надо по странице в день. На свежую голову, после чашки утреннего кофе.

Одна из наших бесед проходила в знаменитом кафе "Флер" на бульваре Сен-Жермен. Было приятно, что мою собеседницу узнавали. Выходя из кафе, я обратил внимание на витрину с книгами. "Что это?" — спросил я наивно. Довольный гарсон с гордостью парировал: "Это книги тех писателей, которые здесь работали. К сожалению, их давно уже нет в живых". Я вчитался в фамилии: Сартр, Элюар, Арагон, Эренбург...

Это интервью далось мне легко, разговор был естественным, без натуги: короткие вопросы, короткие ответы, "банальная", сведенная к стертым штампам диалога магнитофонная запись. Но я беседовал с человеком и писателем, на ладони которого лежал целый век. И здесь было важно каждое слово, каждая реакция.

...Жизни мне осталось совсем немного. И это же естественно, что боишься болезней, каких-то неожиданностей.

— Но вы не устали?

— Нет, я не устала, просто я боюсь, я думаю, как это произойдет. Мои приятельницы очень трудно переносят возраст, эти последние годы. Вот и я все думаю об этом.

— Вас страшит физический конец или то, что вы не успеете завершить творческих замыслов?

— Писать я могла бы перестать и теперь. Мне довольно трудно работать. И всегда было трудно. Я всегда волновалась, удовлетворения было мало. Я всегда боялась, что получится что-то не то и не так, а как только кончала одну вещь, сразу же думала о другой. Всегда было трудно находить материал, который бы мне подошел.

— Материал, который ложится в книгу, это вы сами или это чужой, чей-то мир?

— Нет, это не я, это вещи, которые я как бы мимолетно почувствовала. Ну, как это бывает, наверное, у многих писателей. Кроме, конечно, "Детства", где я описала минуты первых лет своей жизни в Иваново. Все же остальное — это просто литература. Мне всегда трудно найти слова, найти внутренние движения, которые надо описать на бумаге. Это нелегко.

— А что вы больше всего любите в жизни?

— Мне кажется, писать. Мне трудно было бы теперь жить и не писать больше. Это центр моей жизни. Я очень люблю читать, но самая настоящая моя жизнь, когда я за рабочим столом.

— Известно, что вы пишете в кафе, а не дома...

— Да, по утрам я хожу в кафе, где сижу и думаю, вожу пером по бумаге.

— И это давняя привычка?

— Это вошло в моду после

войны. В кафе тепло, а в квартире холодно. И я стала ходить работать в кафе. Многие ходили — писатели, художники...

— Как же можно в кафе писать? Мешает шум, голоса...

— Мне ничего не мешает, абсолютно. И я никого не слышу. В кафе отключается легче, чем дома. Потому что все, что там происходит, меня не касается. А дома звонит телефон, беспокоит консьержка, приходят родные — и это все касается меня, все отвлекает.

— Ваше творчество — это не подсознательная работа?

— Абсолютно нет. В природе творчества может разбираться каждый, не надо Фрейда, не надо врачей для этого. Просто следует остановиться на некоторых вещах и о них подумать, их почувствовать. Но вам ведь некогда, жизнь проходит быстро, и мы не останавливаемся на мелочах, на частностях, на деталях. А я стараюсь остановиться, посмотреть как бы в микроскоп на переживаемое, зафиксировать, как медленно проходит во мне осмысление чего-то, уловить какие-то токи. И это может каждый. Человек может познать себя и без Фрейда. Без психоанализа.

— А ваша книга "Детство", напечатанная нашей "Иностранной литературой", она не имеет отношения к подсознательному, ведь вы копаетесь как бы в далеких снах жизни?

— Нет, это воспоминания, никакого подсознания. Там все конкретное, реальное, то, что я как бы старалась заново пережить.

— Вы одна из самых известных писательниц Франции. Как вы к этому относитесь?

— Это меня мало волнует. Я живу довольно однообразной жизнью, вижу не очень многих людей. Не хожу на коктейли, обеды, званые вечера. Паблизити не для меня.

— А как ваши отношения с нынешними французскими писателями, с кем-то общаетесь?

— Очень мало, по натуре я довольно одинока.

— Но кто-то вам близок в жизни?

— С моим мужем мы прожили шестьдесят лет. Он принимал, как это у вас говорят, активное участие в том, что я пишу. Он был адвокатом, но очень интересовался искусством, литературой и делал многое, чтобы поддержать меня. Он был моим первым читателем, его мнение играло большую роль для меня. Он умер в марте 85-го.

— Что вас сейчас, помимо работы, привлекает к этому миру, к этой земле?

— Мне кажется, мой маленький домик в деревне, который я очень люблю. Местечко называется Шеронс.

— Перед вами, Наталья

Ильинична, прошел почти весь двадцатый век. Что вы думаете о нем?

— По моему, мы пережили ужасный период истории. Расизм. Гитлер — уникал в истории человечества. Ужасное время было, конечно, и при Сталине: насилие, убийство невинных. Пережито две войны, ужасной была и первая война, мне было четырнадцать лет, я многое помню, я видела, что делалось вокруг... Что и говорить, невеселый был век.

— А какое событие века вас особенно взволновало, потрясло?

— Думаю, что... запуск человека на Луну. Ну а в социальном плане — революция семнадцатого года.

— Как вы ее воспринимали?

— Я ругалась, спорила с отцом. Он лично знал Троцкого и Ленина и находил, что их действия это действия определенной секты, что революция кончится ужасной диктатурой. Но я была "за" хотя бы потому, что революция эмансипировала женщину. Я была очень сильно за революцию. А мачеха моя была против. Многие я поняла, когда в 37-м году поехала с ней интуристкой в Москву на десять дней. Там я поняла, что и отец, и мачеха были во многом правы, ведь я попала в самое чудовищное время — время репрессий, массовых убийств...

— Вы помните 5 марта 1953 года?

— Конечно, я ликовала, я думала, что он никогда не умрет. Я так радовалась, я его просто ненавидела после того, что я узнала о нем. Я так была рада, что не верила, что он умер.

— Вас, наверное, потряс и XX съезд партии?

— Нет, потому что то, что говорилось в докладе Хрущева, я уже знала. Съезд не был для меня неожиданностью. Мой отец знал прекрасно Бухарина и других вождей революции, и мне казалось странным, что такие храбрые, сильные люди на себя клеветали. Так низко клеветали. Я все думала, что им сделали, чем их напоили.

— А как вы восприняли начало войны Германии с СССР?

— Ужасное было ощущение. Сначала мы были в ужасе от пакта России с Германией, мы были в ужасе, когда узнали, что Сталин с Гитлером идут рука в руку. Потом я дрожала, когда немцы наступали. Я дрожала до самого Сталинграда, я думала, что Россия погибла. А когда передали, что под Сталинградом немцы попали в плен, родилась надежда. И я безумно радовалась. Стало легче жить.

— Наверняка потрясением для вас была и капитуляция Франции?

— Да, конечно, все плакали, нас объял ужас, когда немцы вошли в Париж. Я сперва бежала с детьми и с матерью в Бретань, муж мой был мобилизован. Я жила там довольно спокойно до тех пор, как немцы пришли и туда, и они объявили, что надо носить "звезду". А я не хотела этого делать, хотела оставаться свободной, уезжать, куда хочу, и делать, что хочу. И мне пришлось прятаться, ведь я объявила себя в префектуре еврейкой. "Звезды" ввели, кажется, в сорок втором. Я пряталась у друзей, потом у одной мужественной и милой дамы в деревне, а потом вернулась сюда, в этот дом, потому что наш консьерж был в резистанс, в Сопротивлении.

— Как вы отнеслись к вводу советских войск в Афганистан?

— Тогда казалось, что это будет то же самое, что случилось с американцами во Вьетнаме. Так и было.

— Что вы думаете о Солженицыне?

— Я считаю, что это удивительно сильный человек, сумевший пойти против такой могучей державы, как СССР. Он гигант в моих глазах. Абсолютный.

— Вы общались с Твардовским?

— Когда я в одну из поездок была в Москве, я побывала на даче у Александра Трифоно-

вича, помню его с женой Марией Илларионовной. А здесь, в Париже, однажды с ним и Луи Арагоном мы обедали в ресторане. Вот и все.

— Тем не менее ваши "Золотые плоды" были опубликованы в "Новом мире", хотя вряд ли этот роман стал любимым чтением Твардовского. Ваши книги, наверное, никогда не были в списке бестселлеров?

— Последняя попала в эти списки. Я изумилась, это в первый раз. А так — никогда. В университетах меня много изучают, в Америке, в Англии я получила степень доктора. Как ваша Анна Ахматова когда-то.

— С кем вы общаетесь из наших писателей? Кто вас навещает?

— Был Виктор Конецкий, из Ленинграда. Заходил Андрей Вознесенский, Зоя Богуславская... Я очень дружила с Виктором Некрасовым, он стал близким моим другом, я его очень любила. Он часто приходил ко мне в гости, одно время очень часто. Много пил, потом перестал, но это было слишком поздно.

— Я слышал, что вы встречались с Анной Ахматовой. Это правда?

— Да, это так. Когда я один раз была в Ленинграде, я спросила ее, могу ли к ней приехать. Анна Андреевна была очень больна, она лежала в постели, вокруг склянки, лекарства. Я пробыла у нее в Комарово два часа, она все расспрашивала о Париже. Ахматова произвела на меня очень сильное впечатление. Своей красотой, она была совершенно замечательна. Я очень люблю ее стихи.

— Как вы оцениваете значение писательского слова в жизни общества, в судьбе человека?

— Я сама очень люблю читать и думаю, что литература дает такое же удовлетворение, как и живопись, музыка, архитектура. Но для меня литература — это, первым делом, искусство, а не что-то такое, что должно улучшить жизнь или ее облегчить. Для этого лучше подходит журнализм.

— Выходит, слова Достоевского о том, что красота спасет мир, это, по-вашему, слишком сильно сказано?

— Мне это трудно понять, я не понимаю смысла этих слов.

— Вообще вы любите Достоевского?

— Да, очень! Достоевского и Чехова. Мне кажется, русский народ гениальный в смысле литературы, но социализм остановил ее развитие.

— Кто, по-вашему, самый крупный писатель XX века?

— Мне кажется, что Пруст.

И Джойс.

— По-русски вы никогда не писали?

— Нет. Ведь первый мой язык был французский, за ним последовал русский. Мне было два года, когда отец привез меня во Францию. Он умер в 49-м году, мать в 56-м. Я с мачехой и отцом жила в этой квартире, с отцом говорила по-французски, а с мачехой по-русски. Сколько меня ни учили в свое время, чтобы я "р" произносила по-русски, не могу. "На горе Арабат" или "тридцать три трубака тревожно трубили тревогу" меня заставляли повторять много раз каждый вечер. Я слышала пластинку Ленина и с радостью узнала, что он тоже картавил.

— А когда вы последний раз до беседы со мной говорили по-русски?

— За обедом с Андреем Синявским и его женой.

— Наталья Ильинична, вы сказали, что прожитый век был невеселым: войны, нацизм, газовые камеры, Сталин... И все-таки если бы Бог даровал вам еще одну жизнь?

— Нет, не хочу. Все начинать с детства... не хочу.

— Почему?

— Потому что моя судьба была нелегкой. И мне бы не хотелось заново переживать пережитое.

Феликс МЕДВЕДЕВ.